

А через десятки лет кто ни будь, посетив это печальное место, скажет:

— А ведь тутъ былъ садъ. О немъ даже въ энциклопедическомъ словарѣ упоминалось.

* * *

Такъ закончилась трагедія стараго дома. Трагедія, которую чувствовали, знали и пѣли одни только Ч-хавъ. Пѣлъ всю жизнь, каждой страницей, каждой своей строчкой.

А потомъ, оглядываясь на пройденную дорогу,—разрыдался драмой, одной драмой въ четырехъ дѣйствіяхъ.

Вы знаете ея названіе—.Старый домъ». Вы знаете также, что каждое дѣйствіе драмы имѣетъ свое названіе.

Дѣйствіе первое—.Чайка», второе—.Дядя Ваня», третье—.Три сестры», четвертое—.Вишневый садъ».

Для того, чтобы поставить эту грандіозную трагедію необходимо было создать особый театр, совершенно новый, не похожій на всѣ прежніе. Таковъ театръ Станиславскаго воплотилъ Чеховъ.

... Какъ это началось.

Уже давно въ зимнія морозныя ночи въ гостиной и верхнихъ комнатахъ слышались странные шорохи, раздавался трескъ, неожиданно осипалась штукатурка. Это сохли мебель и известка. Нѣтъ! Не только. Это изъ стѣн уходила жизнь, живая жизнь вытекала, какъ газъ изъ прорывшагося воздушнаго шара. Уходила куда-то въ пространство, что бы творить новыя формы. А старому дому какъ трупъ, какъ сброшенная перчатка, уже былъ обреченъ гибель.

Жизнь, молодая жизнь уходила изъ стѣн, изъ вѣнъ поръ, изъ вѣнъ шпелей. И вотъ передъ нами двѣ фигуры: Нина Зарѣчная и Треплевъ.

«Я чайка... я актриса» кричитъ

Нина. Но домъ силенъ, но крѣпки стѣны. Пioneры вѣдь болѣею частью гибнутъ. Они только показываютъ дорогу, а сами не приходятъ.

— Нужны новыя формы, тоскуетъ Треплевъ или—ничего не нужно.

Ничего это—смерть. Онъ стрѣляется.

Таковъ первый актъ.

* * *

Но не всѣ ушли. Снова весна. Досчатый театръ самоубійцы Треплева, въ которомъ дебютировала Нина Зарѣчная, разобрали и на этомъ мѣстѣ поставили качели. Здѣсь лѣниво качается молодая профессорша Серебрякова. Сюда по вечерамъ, когда всѣ улеглись, приходитъ Соня, родная сестра Нины, и мечтаетъ о своей неудачной, о своей нераздѣльной любви къ Астрову.

— Если новыя формы не даются,—какъ бы говорить герои «Дяди Вани»—то попробуемъ устроиться въ старыхъ.

Идти некуда. За окномъ гроза (2-е дѣйствіе). Остаются, Смирна ждутъ, ждутъ подъ балками, которые отъ старости вотъ—вотъ рухнутъ.

— Мы проведемъ длинный рядъ дней. Мы отдохнемъ, мы отдохнемъ..

Покорились, затихли и старый домъ шепчетъ вслѣдъ брызгъ профессору и его женѣ.

— Уехали... Уехали.

Третій актъ. Въ деревнѣ стало неспокойно. Что-то носится въ воздухѣ, что то жутко предчувствуется.

Сестры Нины Зарѣчной—три сестры—переехали въ унылый городъ по близости. Онъ живетъ въ старомъ домѣ и кажется, что это все тотъ же прежній домъ, прежнее гнѣздо.

Но и здѣсь, очевидно, что-то готовится. Уже вытребованы изъ города полкъ, и войска уходятъ куда то.

Офицеръ Тузенбахъ отказывается отъ мундира и въ штатскомъ плащѣ очень подурнѣлъ. Ничью надъ

городомъ зловѣщее зарево, слѣдуютъ пожарные, слышенъ далекий жуткій выстрѣлъ.

— Какая ужасная ночь!—стонутъ сестры и мечтаютъ:

— Въ Москву! Въ Москву!

* * *

Четвертый актъ, — «Вишневый садъ».

Уехали. Но не въ Москву. Вернулись въ старыя дома. Жизнь загнала этихъ большихъ дѣтей обратно въ ихъ родныя гнѣзда. Бѣдная Маша Прозорова!—Какъ она перебилась. Ее едва узнать въ Раневской. Постарѣла, морщины вокругъ рта, горькая вульгаризованность смѣха и бездушный онескъ парижскихъ модъ.

Старый домъ обреченъ на смерть. Обреченъ потому, что жизнь, ушедшая изъ него, уже приняла въ иномъ, мѣстѣ иныя формы..

Развѣ это дѣйствіе? Эпизодъ. Слышится стоны—не то цалая кричитъ, не то бѣды оборвалась. Исторія Раневской, «желтого въ уголъ»—это чудится въ звукахъ осеннего Лопухинскаго топора. Человѣка забыли, заперли старика Фирса—это вѣдь тоже было, было..

И когда опускается занавѣсъ въ послѣдній разъ, роковымъ знаменемъ надъ самимъ Чеховымъ,—мы говорите себѣ что видѣли какъ въ хронологическомъ порядкѣ раздвинулась исторія «одного дома», трагедія угасанія старой Россіи и распадъ изжитыхъ формъ.

Глубокими корнями была связанъ Чеховъ съ Россіей.

Его устнами говорила славянская страдающая земля, онъ отыскалъ время, онъ слышалъ его голосъ. И когда оно угасло—угасъ поэтъ.

И прекрасная трагедія его—нѣжная тетралогія—уже стала историческою вѣхой на пути Россіи.

О. Дымовъ.

А. П. ЧЕХОВЪ

(† 2-го июля 1905—года).

Теперь, когда всходитъ луна становится жутко. Садъ вырванъ—такъ расщепился Лопухинъ; крыльцо и вся передняя часть дома обгорѣла. Очевидно, былъ пожаръ и Лопухинъ—тѣлесный владѣлец—послалъ за войскомъ. Отступилъ. Черезъ вѣнцы привѣсъ садовникъ, потому вѣнцы крестьянъ.. Ну, а это вѣнцы..

Когда всходитъ луна, становится жутко. Въ расщелины стѣнъ и крышъ слышится шорохъ, окна заколочены черными обгорѣлыми, какъ бы въ дыряхъ, досками. На много десятковъ верстъ говорятъ объ этомъ вѣнцы—трупъ стараго дома. Къ концу, вѣроятно, вернется изъ Ниццы Лопухинъ и прикажетъ домъ сдѣлать.